
Н. Н. КРАДИН

КОЧЕВНИКИ В МИРОВОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Мир кочевников всегда являлся *terra incognita* для жителей оседлых земледельческих цивилизаций. Он одновременно и пугал, и интриговал их. Образом степной цивилизации стал кентавр – загадочное существо, получеловек-полулошадь. Однако именно в древности появляются первые труды, содержащие научное описание нравов и обычаев номадов, их расселение, важнейшие события политической истории. Эти сведения являются важнейшими источниками для современных исследователей. Однако дальше описания политической истории, нравов и обычаев скотоводов мыслители того времени, как правило, не поднимались. В определении общественного строя кочевников они единодушны: номады – это «бич божий», варвары, несущие разрушения и смерть (исключение – социологическая теория Ибн-Хальдуна, в которой подробно анализируются процессы создания кочевниками государственности на основе завоеваний земледельческих обществ, эволюция и распад этих политических образований).

Аналогичная оценка справедлива и в отношении первых веков развития европейского востоковедения. Практически до середины XIX в. историки-ориенталисты занимались в основном сбором фактов и реконструкцией политической и этнической истории изучаемых народов. Образно выражаясь, это был период первоначального накопления научного «капитала». Попытки осмысления закономерностей всемирно-исторического развития предпринимались, главным образом, философами и экономистами XVII–XIX вв. (Ж. Боден, Ф. Вольтер, Д. Дидро,

Ж. Кондорсэ, Ж.-Ж. Руссо, А. Смит, А. Тюрго, А. Фергюссон и др.). Они отмечали существование у скотоводов зачатков собственности, имущественного неравенства, начал социальной стратификации, рассматривали номадизм в рамках второй ступени концепции «трех стадий». Особняком выглядят взгляды Г. Гегеля, который писал о кочевниках как о дикарях, сравнивая их с разрушительным горным потоком.

Интерес к проблематике социальной истории номадизма начал возрастать с конца XIX в., в том числе и под влиянием марксистской теории исторического процесса. Большинство русских ученых XIX – начала XX вв. рассматривали уровень развития кочевых народов как родоплеменной. Возникновение государственности связывалось, как правило, только с военными и политическими способностями вождей (Н. А. Аристов, Н. И. Гродеков, Г. Н. Потанин, А. Н. Харузин и др.). Наиболее адекватно к описанию нестабильной политической организации скотоводов подошел В. В. Радлов. Он показал, что власть вождей и ханов держится, пока в ней заинтересованы различные группы номадов. За признание в кочевых обществах имущественного неравенства, политической иерархии, государственной власти выступали В. В. Бартольд и Н. Н. Харузин.

В конце XIX – начале XX вв. пользовалась популярностью так называемая «завоевательная» теория возникновения государства (Ф. Ратцель, Л. Гумплович, Ф. Оппенгеймер), согласно которой генезис политической организации мог осуществляться только вследствие насильственного подчинения одних обществ другими. Кочевым народам в этой теории было отведено одно из ключевых мест, так как завоевание номадами земледельческих обществ с последующим обложением последних данью или налогами являлось излюбленным примером ее сторонников.

«Завоевательную» теорию поддержали некоторые марксистские теоретики на Западе, которые попытались обосновать этот подход с материалистических позиций. При этом они подчеркивали, что самостоятельно номады не

способны достичь барьера государственности (К. Каутский, Г. Кунов). Из немарксистских исследователей XX в. важную роль завоеваниям у кочевников в процессе формирования государственности отводил Р. Турнвальд, исследовавший этот процесс на материалах Восточной Африки, и В. Эберхард, построивший свою концепцию на примере истории Китая.

Наиболее активно дискуссия о специфике общественных отношений у кочевников велась в советской исторической литературе¹. Можно выделить три периода в дискуссии об общественном строе кочевников-скотоводов.

Первый период (1920-е – начало 1930-х гг.) характеризуется относительной свободой выбора различных подходов на этапе становления советской науки. Одни кочевниковеды отрицали классовую природу обществ кочевников (С. А. Семенов-Зусер, А. Соколовский, К. М. Тхатарев, А. П. Чулошников и др.), другие высказывались за наличие у кочевников классов (В. С. Батраков, Буров-Петров, П. Погорельский и др.), третьи отстаивали тезис о «племенном государстве» – одной из переходных форм к фео-

¹ Коган Л.С. Проблемы социально-экономического строя кочевых обществ в историко-экономической литературе (на примере дореволюционного Казахстана): Автореф. дис. ...канд. экон. наук. М., 1981; Халиль Исмаил. Исследование хозяйства и общественных отношений кочевников Азии (включая Южную Сибирь) в советской литературе 50-80 гг.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1983; Эрдниева К. О. К истории изучения вопроса о специфике феодальных отношений у кочевых народов в советской исторической литературе // Изв. Сев.-Кавк. Науч. центра выс. школы. Общ. науки. 1985. № 1; Попов А. В. Теория «кочевого феодализма» академика Б. Я. Владимирцова и современная дискуссия об общественном строе кочевников/Mongolica. Памяти академика Б. Я. Владимирцова 1884–1931. М., 1986; Он же. Современная историография МНР о характере экономического базиса монгольского общества нового времени // Историография и источниковедение стран Азии и Африки. Вып. IX. Л., 1986; Крадин Н. Н. Социально-экономические отношения у кочевников в советской исторической литературе. Владивосток. 1987 (Деп. ИНИОН № 29892); Он же. Кочевые общества. Владивосток, 1992; Gellner E. State and Society in Soviet Thought. Oxford, 1988. P. 92-114; Марков Г. Е. Теоретические проблемы кочевничества в советской этнографической литературе // Историография этнографического изучения народов СССР и зарубежных стран. М., 1989; Он же. Из истории изучения кочевничества в отечественной литературе: вопросы теории // Восток. 1998. № 6; Васютин С. А. Социальная организация кочевников Евразии в отечественной археологии: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Барнаул, 1998 и др. В этих работах можно найти сноски на все упоминаемые в настоящей статье исследования.

дализму (П. Кушнер), четвертые писали о специфической природе кочевых обществ, основанной на внешнеэксплуататорских отношениях (Ю. В. Готье).

Второй период дискуссии – время господства теории «кочевого феодализма». Он состоит из двух этапов. На *первом этапе* (1934 – начало 1950-х гг.) Б. Я. Владимирцовым, Н. Н. Козьминым и С. П. Толстовым независимо были выдвинуты три различные интерпретации «кочевого феодализма». Впоследствии вопрос о сущности феодализма в кочевых обществах обсуждали С. М. Абрамзон, В. С. Батраков, А. Н. Бернштам, В. П. Вяткин, В. И. Дулов, Р. Кабо, С. В. Киселев, Б. Ф. Поршневу, Л. П. Потапов, С. А. Токарев, А. Ш. Шамилов и др. исследователи. Но официально была признана точка зрения на «кочевой феодализм» в соответствии с пониманием сущности феодальных отношений, изложенным в «*Кратком курсе истории ВКП(б)*». При этом кочевники древности были отнесены к первобытнообщинной формации или к раннерабовладельческому обществу, а номады средневековья и нового времени к феодальному способу производства. Впоследствии понятие «кочевого феодализма» заменяется другим термином – «патриархально-феодальные отношения».

Второй этап (начало 1950-х – середина 1960-х гг.) представляет собой дискуссию о сущности феодальных отношений у кочевников. С. Е. Толыбеков и В. Ф. Шахматов выступили с ревизионистским мнением, согласно которому основой феодализма у номадов являлась частная собственность на скот. Их оппоненты (А. Е. Еренов, С. З. Зиманов, И. Я. Златкин, С. И. Ильясов, Л. П. Потапов) отстаивали ортодоксальную позицию, по которой базисом «кочевого феодализма» являлась собственность на землю. Бурные дебаты прошли на Ташкентской научной сессии 1954 г., дискуссия нашла отражение на страницах журнала «*Вопросы истории*» в 1954–1956 гг., многие из ее активных участников обстоятельно аргументировали свои взгляды в опубликованных в эти годы монографиях.

Третий период (середина 1960-х – начало 1990-х гг.) характеризуется некоторым ослаблением вмешательства официальных кругов в сферу науки. Результатом этого стала выработка новых нефеодалных подходов в номадологии. Были высказаны мнения о существовании у кочевников «азиатского способа производства» (Л. А. Седов), общины азиатского типа, но без деспотии (Д. И. Кшибеков), особой кабальной эксплуатации (Ю. И. Семенов), раннеклассового общества (Г. А. Меликишвили), личностной и арендаторской скотоводческой ренты (В. П. Илюшечкин) и др. Особо следует выделить концепцию особого кочевнического способа производства, высказанную г. Е. Марковым в 1967 г. Однако впоследствии автор склонился к мнению о дофеодалной, предклассовой природе кочевых обществ, вернувшись затем в 1990 г. к первоначальной концепции кочевнического способа производства.

В этот период дискуссии в отечественном кочевниковедении были высказаны четыре основные точки зрения на характер социального строя кочевников:

1) **предклассовое** общество у кочевников (С. И. Вайнштейн, Л. С. Васильев, К. П. Калиновская, В. А. Шнирельман и др.). При этом часть исследователей считает, что кочевники могут достигнуть государственности с установлением внешнеэксплуататорских отношений (В. М. Викторин, Э. С. Годинер, Г. С. Киселев, Л. Е. Кубель, В. Ю. Мурзин, Ю. В. Павленко и др.);

2) **раннее государство** у кочевников (Е. П. Бунятян, С. Г. Кляшторный, Е. И. Кычанов; А. И. Мартынов, М. С. Мейер, А. И. Першиц, авторы «*Эволюции восточных обществ*» (1984) и др.);

3) **феодализм** у кочевников: а) ортодоксальный вариант теории «кочевого феодализма» (И. Я. Златкин, М. Х. Маннай-Оол, Л. П. Потапов и др.); б) «саунная» версия «кочевого феодализма» (А. В. Даньшин, К. И. Петров, Ф. Я. Полянский и др.); в) власть над номадами как основа феодализма (Н. Ц. Мункуев, А. В. Попов, В. С. Таскин, Г. А. Федоров-Давыдов и др.); г) становление феодализма в

ходе седентеризации «от кочевий к городам» (С. А. Плетнева). Высказывалось также мнение о феодальной сущности номадизма без указаний на характер его внутренней природы (А. А. Арзыматов, Л. Л. Викторова, Д. Е. Еремеев, Д. И. Кшибеков и др.);

4) особый **номадный** (Г. Е. Марков, Н. Э. Масанов) или **экзополитарный** (Н. Н. Крадин) способ производства у кочевников.

Особняком среди исследований отечественных кочевниковедов всегда стояли работы Л. Н. Гумилева, который был практически единственным, кто в условиях ортодоксального марксистского диктата пытался интерпретировать номадизм в рамках классической цивилизационной теории.

Среди монгольских историков эволюция номадизма рассматривалась в рамках приспособленной под историю степи пятичленной схемы, где древние кочевники интерпретировались как племенные союзы или полурабладельческие общества, а номады средневековья и нового времени как раннефеодальные и феодальные государства. В то же время сущность феодального способа производства понималась монгольскими учеными своеобразно. Среди них возобладала точка зрения, выдвинутая Ш. Нацагдоржем, согласно которой земля и скот являются одновременно основными средствами производства при скотоводстве (Д. Гонгор, Ч. Далай, Н. Ишжамц, Ш. Сандаг, Н. Сэр-Оджав, Б. Ширендыб и др.).

Напротив, среди марксистских ученых стран Восточной Европы не было такого единодушия в характеристике общественного строя номадов. Многие из них писали о предклассовой или военно-демократической природе кочевников, о том, что скотоводы самостоятельно не могли преодолеть границу между первобытнообщинной и классовыми формациями (В. Кениг, В.-Д. Зейверт, И. Зеллнов в ранних работах, Д. Трейде, В. Хартвиг, Ф. Шлетте и др.). Другими марксистскими исследователями из восточноевропейских стран высказывалось мнение о раннегосударственном характере кочевых обществ (Х. Грюнерт, Э. Вернер, г. Левин, И. Зеллнов, И. Эччеди и др.). И только меньшая часть иссле-

дователей из данного региона склонна относить номадов к феодальной формации, оговаривая при этом низкий уровень развития кочевых обществ (Р. Война, М. Няммаш и др.).

Особую точку зрения на формационную природу кочевых обществ отстаивали французские марксистские антропологи. Находясь на позициях структурного марксизма, они развивали концепцию о специфической номадной формации, основой которой является внутренняя стратификация, базирующаяся на частной собственности на скот. Под номадным способом производства они понимали комплексное единство экологических, экономических и социокультурных составляющих. При этом важное место в концепции занимает Марксова модель «германского способа производства» (П. Бонт, Ж.-П. Дигар, Ф. Лефевр, Л. Хельфгот, и др.).

Крупнейшие теории западного кочевниковедения, в целом, достаточно похоже обрисовывают основные закономерности эволюции номадизма². В концепции развития цивилизаций выдающегося английского философа и историка А. Тойнби кочевничество отнесено к числу застывших цивилизаций, лишенных внутренних потенций для развития. Номады – вечные пленники климатических и вегетационных циклов. С развитием капитализма им суждено исчезнуть с лица земли.

По мнению О. Латтимора, общественный строй номадов в принципе оставался неизменным. Кочевники то объединялись, то вновь распадались, в целом, эволюционируя по спирали. Кочевые империи образовывались только в процессе экспансии против земледельческих цивилизаций, когда способному предводителю удавалось объединить большое число племен скотоводов. Социальные антагонизмы внутри кочевых обществ не получили большого развития. При этом противоречия выносились наружу.

² Подробнее о взглядах западных кочевниковедов см: Васильев М. А. Проблемы истории кочевого скотоводства и кочевых обществ в современной англо-американской буржуазной историографии. М., 1992 (деп. ИНИОН № 1 1301), Khazanov A. M. Nomads and the Outside World. Cambridge, 1984; 2nd ed. Madison, 1994; Крадин Н. Н. Кочевые общества и др.

Многие исследователи считают, что политическая централизация, возникновение государственности и империй в степи обуславливались характером взаимодействий кочевников с оседлым миром (Р. Грассе, П. Голден, И. Айронс, Т. Барфильд и др.). Земледельческо-городское общество, расположенное по соседству со степью, либо представляло угрозу для кочевников, либо являлось источником экспансии для последних. Но для того, чтобы победить земледельцев и горожан, скотоводам нужно было объединиться в империю. Пока оседлое государство было сильно, набеги кочевников были подобны укусам насекомых, но если земледельческое общество находилось в упадке, вакуум засасывал кочевников вовнутрь (Р. Грассе, Т. Барфильд).

Важную роль в политогенезе у кочевников играл военный и политический лидер (Г. Вернадский, Р. Грассе, Б. Шпулер, Д. Синор, Дж. Флетчер, П. Голден и др.). Удачливый полководец и талантливый политик обеспечивал кочевникам добычу и служил объединяющим звеном. Но как только его сменял посредственный наследник, государственность разваливалась. Такие процессы имели циклический характер в зависимости от личных способностей кандидатов.

Все политические образования кочевников от скифов и сунну до Золотой Орды и Восточно-Африканских королевств демонстрируют типологическое сходство, суть которого выражает господство скотоводческого этноса над земледельческим обществом (Г. Вернадский, О. Прицак, Э. Сервис, Л. Крэйдер, К. Виттфогель, Тамура Дзиццо и др.). Такие образования неустойчивы. Только симбиоз с оседлым населением придает импульс к дальнейшему развитию. Если же этого нет, то такое государство, как писал А. Тойнби, подобно семени, «которое увяло и, как не имело корня, засохло» (*Матф.*, 13, 5-6).

Несколько особняком находятся взгляды Л. Крэдера, который признает некоторую эволюцию кочевничества в истории. Кочевники, по его мнению, могут сами создавать государство, их общество делится на классы знати и народа. Для кочевой государственности характерны слабая роль денег, отсутствие городов, существование вассалитета.

Власть основывается на клановой системе, генеалогической близости претендента к линиджу правителя. В отличие от многих западных исследователей, он придерживается противоположного взгляда в отношении роли личности в возникновении кочевой государственности. В целом его взгляды более близки к позиции марксистских исследователей.

В первое «постмарксистское» десятилетие в отечественной науке дискуссия продолжалась, но достаточно вяло, что, впрочем, не удивительно. Появилась возможность заниматься другими интересными проблемами, использовать в своих исследованиях иные научные парадигмы и подходы. В основном проблема продолжала обсуждаться в русскоязычной литературе. При этом сохранились, в той или иной степени, все основные высказывавшиеся ранее точки зрения. Так, часть исследователей по-прежнему придерживается **феодалной** интерпретации кочевых обществ (Г. О. Авляев, В. В. Матвеев и др.). К этой же точке зрения относятся и сторонники объединения всех послепервобытных доиндустриальных в рамках единой феодальной стадии (Ю. М. Кобищанов). Другие авторы поддерживают мнение о догосударственном, **предклассовом** характере обществ кочевников-скотоводов (Т. Д. Скрынникова, А. И. Фурсов и др.). Третьи пишут о складывании у кочевников **ранней государственности** (С. Г. Кляшторный, Е. И. Кычанов, В. В. Трепавлов и др.). Некоторые находят сходство кочевых империй с **восточными деспотиями** (Ю. И. Семенов).

Однако наибольшее обсуждение вызвали попытки обоснования **особого** пути развития обществ кочевников-скотоводов. Предмет дискуссии сконцентрировался вокруг вопроса: что является основой специфичности номадизма – внутренняя природа скотоводства, являющаяся основой так называемого **номадного** способа производства (К. П. Калиновская, Г. Е. Марков, Н. Э. Масанов), или же особенности внешней адаптации кочевников к земледельческим «мир-империям» (Н. Н. Крадин).

В то же время в условиях преодоления формационного монизма появились публикации, в которых делается попытка рассмотреть кочевничество с точки зрения **цивилизационного подхода** или **евразийской парадигмы** (работы А. М. Буровского, Э. С. Кульпина, И. С. Урбановой). Публикацию методологически новых работ стоит только приветствовать.

Таким образом, анализ историографии проблемы показывает, что относительно общественного строя кочевников-скотоводов высказывались различные точки зрения. Так или иначе, подавляющее большинство исследователей, независимо от их методологической ориентации, согласны в том, что кочевые общества имеют менее специализированную и структурно дифференцированную социально-экономическую организацию и не способны конкурировать в темпах технологической революции с индустриальными обществами. При этом одни исследователи подчеркивают самобытную природу номадизма и невозможность описания его терминами, выработанными на материале эволюции оседло-земледельческих обществ, другие – пытаются вписать кочевников в рамки общей картины всемирно-исторического процесса. Исходя из этого, можно сделать вывод, что для рассмотрения кочевничества в рамках всемирно-исторического процесса самыми важными и в то же время наиболее дискуссионными являются два вопроса: 1) могли ли кочевники самостоятельно преодолеть барьер государственности и 2) осуществлялись ли данные процессы так же, как у земледельческих обществ или же для кочевников был характерен самостоятельный путь эволюции?

Итак, могли ли кочевники создавать собственную государственность? В политической антропологии XX в. существуют две наиболее популярные теории политогенеза: «интегративная» (Э. Сервис) и «конфликтная» (М. Фрид, марксисты). Согласно первой вождество и государство возникают как результат преобразования управленческих структур усложняющегося общества. Согласно второй, государство – это организация, предназначенная для стаби-

лизации отношений в сложном, стратифицированном обществе³.

Однако ни с той, ни с другой точки зрения нельзя считать, что государственность была для кочевников внутренней необходимостью. Все основные экономические процессы в скотоводческом обществе осуществлялись в рамках отдельных домохозяйств. По этой причине необходимости в специализированном «бюрократическом» аппарате, занимающемся управленческо-редистрибутивной деятельностью, не было. С иной стороны, все социальные противоречия между номадами решались в рамках традиционных институтов поддержания внутренней политической стабильности. Сильное давление на кочевников могло привести к откочевке или к применению ответного насилия, поскольку каждый свободный номад был одновременно и воином.

Нужда в объединении кочевников возникает только в случае войн за ресурсы существования, организации грабежей земледельцев или экспансии на их территорию, при установлении контроля над торговыми путями. В данной ситуации складывание сложной политической организации кочевников в форме кочевых империй есть одновременно и продукт интеграции, и следствие конфликта (между номадами и земледельцами). Кочевники-скотоводы выступали в данной ситуации как «класс-этнос» и специфическая **«ксенократическая»** (от греч. *ксено* – наружу и *кратос* – власть) политическая система. Образно можно сказать, что они представляли собой нечто вроде «надстройки» над оседло-земледельческим «базисом»⁴. С этой точки зрения

³Fried M. The Evolution of Political Society: an essay in political anthropology. N.Y., 1967; Service E. Origins of the State and Civilization. N.Y., 1975; The Early State. The Hague, 1978; The Origin of the State. Philadelphia, 1978; The Study of the State. The Hague, 1981; Haas J. The Evolution of the Prehistoric State. N.Y., 1982; Павленко Ю. В. Раннеклассовые общества. Киев, 1989; Годинер Э. С. Политическая антропология о происхождении государства//Этнологическая наука за рубежом: проблемы, поиски, решения. М., 1991; Альтернативные пути к ранней государственности. Владивосток, 1995 и др.

⁴Крадин Н. Н. Кочевые общества; Он же. Структура власти в государственных образованиях кочевников//Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. М., 1993; Он же. Империя Хунну. Владивосток, 1996 и др.

создание «кочевых империй» – это частный случай уже упомянутой «завоевательной» теории политогенеза, согласно которой война и завоевание являются предпосылками для последующего закрепления неравенства и стратификации.

Наверное, самый интригующий вопрос истории Великой степи – это причина, толкавшая кочевников на массовые переселения и на разрушительные походы против земледельческих цивилизаций. По этому поводу было высказано множество самых разнообразных суждений. Их можно свести к следующим мнениям: 1) разнообразные глобальные климатические изменения (усыхание по А. Тойнби и Г. Грумм-Гржимайло, увлажнение по Л. Н. Гумилеву); 2) воинственная и жадная природа кочевников; 3) перенаселенность степи; 4) рост производительных сил и классовая борьба, ослабленность земледельческих обществ вследствие феодальной раздробленности (марксистские концепции); 5) необходимость пополнять экстенсивную скотоводческую экономику посредством набегов на более стабильные земледельческие общества; 6) нежелание со стороны оседлых торговать с номадами (излишки скотоводства некуда было продать); 7) личные качества предводителей степных обществ; 8) этноинтегрирующие импульсы (*пассионарность* по Л. Н. Гумилеву).

В большинстве из перечисленных факторов есть свои рациональные моменты. Однако значение некоторых из них оказалось преувеличенным. Так, современные палеогеографические данные не подтверждают жесткой корреляции глобальных периодов усыхания/увлажнения степи с временами упадка/расцвета кочевых империй⁵. Оказался ошибочным тезис о «классовой борьбе» у кочевников⁶. Не совсем ясна роль демографии, поскольку рост поголовья

⁵ Иванов И. В., Васильев И. Б. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М., 1995. Табл 24, 25.

⁶ Марков г. Е. Кочевники Азии. М., 1976; Khazanov A.M. Nomads and the Outside World; Крадин Н.Н. Кочевые общества; Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов. Алматы – М., 1995 и др.

скота происходил быстрее увеличения народонаселения. Увеличение животных приводило к стравливанию травостоя и к кризису экосистемы. Кочевой образ жизни, конечно, может способствовать развитию некоторых военных качеств. Но земледельцев было во много раз больше, они обладали экологически комплексным хозяйством, надежными крепостями, более мощной ремесленно-металлургической базой.

Мне кажется, что необходимо учитывать следующее важное обстоятельство. Кочевники нуждались в земледельческой и ремесленной продукции, которую не могли производить сами. Образ существования «чистых» кочевников всегда более скуден, чем быт номадов, использующих дополнительные источники существования. «Бедный кочевник – чистый кочевник»? – афористично выразил эту мысль еще много десятилетий назад О. Латтимор. Недостающие ресурсы оседлого хозяйства можно было получать от соседних земледельческих цивилизаций посредством торговли, развитием подобных отраслей экономики на своей территории (там, где экологически это возможно), различными немирными способами (грабежами, данничеством, чередованием набегов с периодами рэкета, завоеванием земледельцев, непосредственной экспансией и переселением в завоеванную страну).

Относительно того какие способы решения экономической нестабильности степных обществ преобладали – мирные или военные, существует большое количество разных точек зрения. Виновниками конфликта могли быть как номады, так и их оседлые соседи. Однако при природных катаклизмах война могла быть для них единственно возможным методом преодоления кризиса. С другой стороны, земледельцы были более сбалансированными экономически, поэтому они не очень стремились к установлению тесных связей с шумным соседом. В целом же, и номадофобия, и номадофилия одинаково односторонне, редуционистски изображают реальные исторические отношения между кочевниками и земледельцами. Номады в процессе

приспособления к окружающим условиям использовали как «мирные», так и «немирные» способы адаптации.

Отдавая должное мирным связям кочевников и земледельцев, не следует недооценивать, как правило, милитаризованный характер кочевых обществ. Еще Геродот (II, 167) дал яркую характеристику этой стороне их общественной жизни, написав про скифов, что они и подобные им варварские народы «меньше всех ценят тех граждан и их потомков, которые занимаются ремеслом, напротив, считают благородными тех, которым совершенно чужд ручной труд и которые ведают только военное дело». «Как же такому народу не быть непобедимым и неприступным?» – вопрошает он (IV, 46).

Подобные характеристики можно найти в отношении других кочевников древности, средневековья и даже более позднего времени. Возможно, наиболее резко милитаризованность степного мира была сформулирована в риторическом вопросе Чингисхана, на который он сам же и дал ответ: «Величайшее наслаждение и удовольствие для мужа состоит в том, чтобы подавить возмущившегося и победить врага, вырвать его с корнем и захватить все, что тот имеет; заставить его замужних женщин рыдать и обливаться слезами, [в том, чтобы] сесть на его хорошего коня с гладкими крупами мерин, [в том, чтобы], превратить животы его прекрасных супругов в новое платье для сна и подстилку, смотреть на их розовоцветные ланиты и целовать их, а их сладкие губы цвета грудной ягоды сосать!».

Однако необходимо помнить, что для успешного ведения войн кочевникам была необходима мощная военная организация. Исследователям удалось подметить интересное обстоятельство, что степень централизации кочевников прямо пропорциональна величине соседней земледельческой цивилизации. Именно поэтому кочевники Северной Африки и Передней Азии для того, чтобы торговать с оазисами или нападать на них, объединялись в племенные конфедерации или вождества, кочевники Восточноевропейских степей, существовавшие на окраинах античных государств, Византии и Руси, создавали «квазиимперские» государ-

ственноподобные структуры, а в Центральной Азии, например, таким средством адаптации стала кочевая империя.

По данной причине имперская и квазиимперская организация у кочевников Евразии развивалась только после завершения «осевого времени» – с середины I тыс. до н.э., когда создаются могущественные земледельческие империи (Цинь в Китае, Маурьев в Индии, эллинистические государства в Малой Азии, Римская империя на Западе), и в тех регионах, где, во-первых, существовали достаточно большие пространства, благоприятные для занятия кочевым скотоводством (Причерноморье, Поволжские степи, Халха-Монголия и т. д.), и, во-вторых, кочевники были вынуждены иметь длительные и активные контакты с более высокоорганизованными земледельческо-городскими обществами (скифы и древневосточные и античные государства, кочевники Центральной Азии и Китая, гунны и Римская империя, арабы, хазары, турки и Византия и пр.).

Еще одна модель политогенеза, применимая к происхождению степных империй, – «торговая». Ее основная посылка заключается в том, что внешнеторговый обмен с последующей редистрибуцией редких и престижных товаров среди подданных является важным компонентом власти вождей и правителей ранних государств. Стабильность степных империй напрямую зависела от умения высшей власти организовывать получение шелка, земледельческих продуктов, ремесленных изделий и изысканных драгоценностей из оседлых территорий. Так как эта продукция не могла производиться в условиях скотоводческого хозяйства, получение ее силой или вымогательством было первоочередной обязанностью правителя кочевого общества. Будучи единственным посредником между Китаем и Степью, правитель кочевого общества имел возможность контролировать перераспределение получаемой из Китая добычи, и тем самым он усиливал свою собственную власть. Это позволяло поддерживать империю, которая не могла существовать на основе экстенсивной скотоводческой экономики.

Все это предопределило двойственную природу «степных империй». Снаружи они выглядели как деспотические завоевательные государственноподобные общества, так как были созданы для изъятия прибавочного продукта извне Степи. Но изнутри кочевые империи оставались основанными на племенных связях без установления налогообложения и эксплуатации скотоводов. Сила власти правителя степного общества, как правило, основывалась не на возможности применить легитимное насилие, а на его умении организовывать военные походы и перераспределять доходы от торговли, дани и набегов на соседние страны.

Какой смысл скрывается за понятием «кочевая империя»? Слово «империя» обозначает такую форму государственности, которой присущи два главных признака: 1) большие территории и 2) сложносоставной характер. Империи обычно разделены на «метрополию» и зависимую от нее, эксплуатирующуюся «периферию». Как правило, метрополией являлось высокоразвитое (в сравнении с периферией) экспансионистское государство. Принципиальное отличие империй кочевников заключалось в том, что их метрополия являлась «высокоразвитой» только в военном отношении, тогда как в социально-экономическом и пр. развитии она отставала от эксплуатируемых или завоеванных территорий и по существу сама являлась периферией и провинцией. В таком случае «кочевую империю» можно дефинировать как: кочевое общество, организованное по военно-иерархическому принципу, занимающее относительно большое пространство и эксплуатирующее соседние территории, как правило, посредством внешних форм эксплуатации (грабежи, война и контрибуция, вымогание «подарков», неэквивалентная торговля, данничество и т. д.). Можно выделить следующие признаки кочевых империй: 1) многоступенчатый иерархический характер социальной организации, пронизанный на всех уровнях племенными и надплеменными генеалогическими связями; 2) дуальный (на крылья) или триадный (на крылья и центр) принцип административного деления империи; 3) военно-иерархический характер общественной организации «метрополии»,

чаще всего по «десятичному» принципу»; 4) ямская служба как специфический способ организации административной инфраструктуры; 5) специфическая система наследования власти (империя – достояние всего ханского рода, институт соправительства, курултай); 6) особый характер отношений с земледельческим миром.

Необходимо отличать классические кочевые империи: 1) от подобных им смешанных земледельческо-скотоводческих империй с большой ролью в их истории кочевого элемента (Арабский халифат, государство сельджуков, Дунайская и Волжская Болгария, Османская империя) и 2) более мелких, чем империи «квазиимперских» кочевнических государственных образований (европейские гунны, авары, венгры, Приазовская Болгария, кара-кидани, татарские ханства после распада Золотой Орды).

Выделяются три модели кочевых империй: 1) кочевники и земледельцы сосуществуют на расстоянии. Получение прибавочного продукта номадами осуществляется посредством дистанционной эксплуатации: набеги, вымогание «подарков» (в сущности рэкет, неэквивалентная торговля) и т. д. (хунну, сяньби, тюрки, уйгуры и пр.); 2) земледельцы зависят от кочевников; форма эксплуатации – данничество (Золотая Орда, Юань и пр.); 3) номады завоевывают земледельческое общество и переселяются на его территорию. На смену грабегам и данничеству приходит регулярное налогообложение земледельцев и горожан⁷.

Вне всякого сомнения, данную политическую систему нельзя считать государством. Однако это не свидетельство того, что такая структура управления была примитивной. Как показывают глубокие исследования специалистов в области истории античности, греческий и римский полисы также не могут считаться государством. Государственность с присущей ей бюрократией появляется здесь достаточно поздно – в эпоху эллинистических государств и в импера-

⁷ Подробнее см.: Крадин Н.Н. Кочевые общества, С. 166, 178.

торский период истории Рима⁸. Однако как быть с кочевниками, каким термином описать существо их политической системы? Учитывая ее негосударственный характер, мной было предложено характеризовать «кочевые империи» как **суперсложные вожества**⁹.

Простые вожества представляют собой группу общин, иерархически подчиненную одному вождю. Сложные вожества – это иерархически организованная совокупность нескольких простых вожеств. Однако суперсложное вожество – это не механическая группа сложных вожеств. Отличия здесь не количественного, а качественного характера. При простом объединении нескольких сложных вожеств в более крупные политии, последние без аппарата власти редко оказываются способными справиться с сепаратизмом субвождей. Принципиальным отличием суперсложных вожеств является появление механизма **наместников**, которых верховный вождь посылал управлять региональными структурами. Это еще не аппарат власти, поскольку количество таких лиц невелико. Однако это важный структурный импульс к последующей политической интеграции (честь открытия этого механизма принадлежит Роберту Карнейро¹⁰; в то же время, мне кажется, что в наиболее развитой форме он характерен больше для нomaдических, чем для оседло-земледельческих обществ).

Вожди племен, входивших в кочевую империю, были инкорпорированы в десятичную военную иерархию, однако их внутренняя политика была в известной степени независимой от политики центра. Некоторая автономность племен была опосредована следующими факторами: 1) хозяйственная самостоятельность племен делала их потенциально независимыми от центра; 2) главные источники власти (грабительские войны, перераспределение дани и других

⁸ Штаерман Е. М. К проблеме возникновения государства в Риме // Вестник древней истории. 1989. № 2; Berent M. Stateless polis. Unpublished PhD thesis. Cambridge: Cambridge University, 1994.

⁹ Крадин Н. Н. Кочевые общества. С.152. Эту концепцию поддержали кочевниковеды В. В. Трепавлов и Т. Д. Скрынникова.

¹⁰ Carneiro R. Process vs. Stages: A false dichotomy in tracing the rise of the state // Alternatives of Social Evolution. Vladivostok, 2000.

внешних субсидий, внешняя торговля) являлись достаточно нестабильными и находились вне степного мира; 3) всеобщее вооружение ограничивало возможности политического давления сверху; 4) перед недовольными политикой центра племенными группировками открывались возможности откочевки, дезертирства под покровительство земледельческой цивилизации или восстания с целью свержения неугодного правителя.

По этой причине политические связи между племенами и органами управления степной империи не были чисто автократическими. Надплеменная власть сохранялась в силу того, что, с одной стороны, членство в «имперской конфедерации» обеспечивало племенам политическую независимость от соседей и ряд других важных выгод, а, с другой стороны, правитель кочевой державы и его окружение гарантировали племенам определенную внутреннюю автономию в рамках империи.

Механизмом, соединявшим «правительство» степной империи и племенных вождей, были институты престижной экономики. Манипулируя подарками и одаривая ими соратников и вождей племен, правитель кочевой державы увеличивал свое политическое влияние и престиж «щедрого правителя» и одновременно как бы связывал получивших дар «обязательством» отдаривания. Племенные вожди, получая подарки, с одной стороны, могли удовлетворять личные интересы, а с другой – могли повышать свой внутриплеменной статус путем раздач даров соплеменникам или посредством организации церемониальных праздников. Кроме того, получая от правителя дар, «реципиент» как бы приобретал от него часть сверхъестественной благодати, чем дополнительно способствовал увеличению своего собственного престижа.

Другим способом поддержания структурного единства имперской конфедерации кочевников был институт наместников. Административно-иерархическая структура степной империи включала несколько уровней. На высшем уровне держава делилась на две или три части – «левое» и «правое» крылья, либо «центр» и крылья. В свою очередь

крылья могли делиться на «подкрылья». На следующем уровне данные сегменты подразделялись на «тмы» – военно-административные единицы, которые могли выставить примерно по 5-10 тыс. воинов. В этнополитическом плане данные единицы должны были примерно соответствовать племенным объединениям или сложным вождествам. Последние, в свою очередь, делились на более мелкие социальные единицы – вождества и племена, родо-племенные и общинные структуры разной степени сложности, которые в военном отношении соответствовали «тысячам», «сотням» и «десяткам». Начиная от уровня сегментов порядка тмы и выше, включавших несколько племенных образований, административный и военный контроль вверялся специальным наместникам из ближайших родственников правителя степной империи и лично преданных ему лиц. В немалой степени именно от этих наместников зависело, насколько метрополия будет иметь власть над племенами конфедерации.

Суперсложное вождество в форме кочевых империй – это уже реальный прообраз раннего государства. Данные вождества имели сложную систему титулатуры вождей и функционеров, вели дипломатическую переписку с соседними странами, заключали династические браки с земледельческими государствами и соседними кочевыми империями. Для них были характерны зачатки урбанистического и монументального строительства и иногда даже письменность. С точки зрения соседей такие кочевые общества воспринимались как самостоятельные субъекты международных политических отношений.

Могли ли вождества суперсложного типа создаваться оседло-земледельческими народами? Известно, что численность сложных вождеств измеряется, как правило, десятками тысяч человек и они, как правило, этнически гомогенны. Однако население многонационального суперсложного вождества составляет многие сотни тысяч человек и даже больше (кочевые империи Внутренней Азии до 1-1,5 млн чел.). Территория суперсложных вождеств кочевников была в несколько порядков раз больше площади, не-

обходимой для простых и сложных вожеств земледельцев (для номадов более характерна такая плотность населения, которая у земледельцев чаще встречается в доиерархических типах общества и в вожествах). В то же время на территории, сопоставимой с размерами любой кочевой империи, могло бы проживать в несколько порядков раз больше земледельцев, которые вряд ли могли управляться догосударственными методами регулирования.

Управление таким большим пространством у кочевников облегчалось спецификой степных ландшафтов и наличием мобильных верховых животных. С другой стороны, всеобщая вооруженность кочевников, обусловленная отчасти их дисперсным (рассеянным) расселением, их мобильность, экономическая автаркичность, воинственный образ жизни на протяжении длительного исторического периода, а также ряд иных факторов, мешали установлению стабильного контроля над скотоводческими племенами и отдельными номадами со стороны высших уровней власти кочевых обществ. Все это дает основание предположить, что суперсложное вождество, если и не являлось характерной исключительно для кочевников формой политической организации, то, во всяком случае, именно у номадов получило наибольшее распространение как в виде могущественных кочевых империй, так и в форме подобных им квазиимперских ксенократических политий более меньшего размера.

Рассмотрение исторического процесса в одной плоскости – это не единственный способ видения мировой истории. В современных социальных науках и истории существуют четыре группы теорий, которые по-разному объясняют основные законы возникновения, дальнейшего изменения, а иногда гибели сложных человеческих систем. Первые – это разные однолинейные теории развития или эволюции (марксизм, неозволюционизм, теории модернизации и др.). Они показывают, как человечество прошло длинный путь от маленьких групп примитивных охотников к современному постиндустриальному мировому обществу. Вторые – это теории цивилизаций. Странники этих теорий

считают, что единой мировой истории нет. Есть сгустки активности культуры – цивилизации. Цивилизации подобно живым организмам, рождаются, живут и умирают (Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, П. Сорokin и др.).

Промежуточное место между этими двумя полюсами занимают мир-системный подход и многолинейные теории эволюции. Мир-системный подход (Э. Валлерстайн и др.), подобно однолинейным теориям развития, выделяет три модели общества: мини-системы, мир-империи и мир-экономики. Но они рассматриваются не во времени, а в пространстве. Это делает представления об истории более полными. Современные многолинейные теории (А. В. Коротаев и др.) предполагают, что существует несколько возможных вариантов трансформации политических организмов. Одни из них могут вести к сложности, например от вожества к нации-государству; другие предполагают существование суперсложной общины без бюрократии (греческие полисы); третьи предполагают сохранение в определенных экологических условиях племенной системы.

По сути дела, здесь идет речь о различных измерениях мировой истории, которая разворачивается сразу в нескольких плоскостях¹¹. Каждое измерение отражает на своей координатной сетке соответствующие параметры жизнедеятельности социальных систем. Однако каждая из перечисленных парадигм отражает особенности изучаемого явления неполностью. Принцип дополнительности, который в свое время сформулировал Нильс Бор, предполагает, что только в совокупности эти теории могут объяснить нам то или иное явление природы. При этом очень важно отметить, что даже противоположные теории могут не исключать друг друга, а отражать важные структурные параметры изучаемого объекта.

¹¹ Этот вопрос наиболее обстоятельно исследовался в работах: Павленко Ю. В. Історія світової цивілізації. Соціокультурний розвиток людства. Київ, 1996; Он же. Альтернативные подходы к осмыслению истории и проблема их синтеза // Философия и общество. 1997. № 3.

Все вышесказанное полностью применимо к поставленной в данной статье проблеме. Вне многолинейного контекста описание специфики кочевых обществ в рамках всемирно-исторического процесса было бы неполным.

Классические неодолинейные теории исходили из противопоставления Запада и Востока – идеи, идущей еще от Бернье и Монтескье. Впоследствии это привело к созданию в рамках марксистской теории истории концепции «азиатского способа производства», появлению достаточно прочной традиции билинейной теории исторического процесса, которая наиболее солидно была разработана К. Виттфогелем в «*Восточной деспотии*» (1957) и Л. С. Васильевым в двухтомнике «*История Востока*» (1993). В этом с данными авторами отчасти солидарен А. И. Фурсов, согласно философской теории которого, всемирно-исторический процесс разворачивается в двух плоскостях: тупиковой азиатской, где *система* доминирует над индивидом, и прогрессивной западной, где в каждой более высокой социальной форме осуществляется последовательная эмансипация *субъекта*.

В ряде других исследований были предложены более сложные схемы, сочетающие стадийный принцип с многолинейностью. По М. Годелье, который следует типологии докапиталистических форм *Gemeinwesen* К. Маркса, азиатская и античная формы являются тупиковыми, так как ведут соответственно только к азиатскому и к рабовладельческому способам производства. Лишь германская форма *Gemeinwesen* приводит к феодализму, а от него к капиталистическому обществу. Ф. Тёкеи рассматривал азиатскую, античную и германскую общины и как последовательно более развитые формы *Gemeinwesen*, и как самостоятельные линии исторического развития.

Какое место занимает номадизм в рамках многолинейных (нелинейных) теорий Всемирной истории? Ранее, рассматривая кочевничество в рамках различных марксистских периодизаций исторического процесса, мне уже приходилось писать, что ни одна из классических моделей способов производства не применима к кочевым им-

периям, хотя определенные сходства имеются с каждой из форм¹². Именно это обстоятельство подтолкнуло в свое время меня к выводу об особом **экзополитарном** или **ксенократическом** способе производства у кочевников.

Сейчас данный аспект можно рассмотреть в несколько ином контексте. Понятие «способ производства» занимает важное место не только в марксизме, но и в мир-системной теории. Э. Валлерстайн понимает термин «способ производства» как особую форму организации трудового процесса, в рамках которой посредством какого-либо разделения труда осуществляется воспроизводство системы в целом. Главным критерием классификации (и одновременно периодизации) способов производства у Валлерстайна выступает способ распределения. В этом он следует идеям К. Поланьи. Соответственно выделяются три способа производства: 1) реципротно-линиджные мини-системы, основанные на реципрокации, 2) редистрибутивные мир-империи (в сущности эти и есть «цивилизации» А. Тойнби); 3) капиталистическая мир-система (мир-экономика), основанная на товарно-денежных отношениях¹³.

Однако как вписываются в данную схему кочевники скотоводы? С точки зрения логики теории Валлерстайна, подавляющее большинство кочевых обществ должны быть отнесены к уровню «мини-систем», но не «мир-империй», и это так. Действительно, большая часть кочевников-скотоводов не достигала уровня редистрибутивных обществ – вождеств разной степени сложности и среди них ксенократических квазиимперских политий и кочевых империй. Однако больший интерес, вне всякого сомнения, представляют кочевые империи. Необходимо отметить, что империи номадов – это не совсем то же самое, что даннические «мир-империи». Последние, по Валлерстайну, существуют за счет дани и налогов с провинций и захваченных колоний, которые перераспределяются бюрократическим

¹² Крадин Н. Н. Кочевые общества. С. 180-188; Он. же. Кочевничество в цивилизационном и формационном развитии//Цивилизации. Вып. 3. М., 1995. С. 177-178.

¹³ Wallerstein I. The politic of the world-economy. Paris, 1984, P. 160 ff.

правительством. Отличительным признаком мир-империй является административная централизация, доминирование политики над экономикой. В кочевых империях, как это было показано в предыдущих разделах данной статьи, не существовало столь жесткой административной централизации, редистрибуция затрагивала только внешние источники доходов империи: военную добычу, дань, торговые пошлины и подарки. Более того, в логику мир-империй не вписываются не только степные империи, но и мир античных полисов, западноевропейское средневековое общество. Не случайно часть из сторонников мир-системного подхода (так называемые *splitters* – «дробители») признает возможность существования до складывания капиталистической мир-системы нескольких мир-систем или мир-экономик. Некоторые из них отмечают, что часть данных систем могли существовать не только в форме редистрибутивных империй, но и быть экономически и политически многополярными, децентрализованными.

Какие критерии могут быть положены в основу классификации способов производства, существовавших после выхода за уровень линиджных «мини-систем», но до складывания капиталистической «мир-системы»? Сколько их можно выделить в принципе? Эти вопросы были сформулированы и решены в фундаментальной философско-исторической теории А. И. Фурсова¹⁴. Согласно его мнению, живой труд выступает в двух формах – индивидуальной и коллективной. Чем более развито производство, тем более самостоятелен индивидуальный труд. В доиндустриальных системах соотношение коллектива (К) и индивида (И) фиксируется в социальной организации (*Gemeinwesen*). Возможны только три типа соотношения: $K > И$, $K = И$, $K < И$. Это соответствует выделенным еще Марксом «азиатской», «античной» и «германской» формам *Gemeinwesen*.

¹⁴ Фурсов А. И./Революция как имманентная форма развития европейского исторического субъекта//Французский ежегодник 1987. М., 1989; Он же. Восток, Запад, капитализм// Капитализм на Востоке во второй половине XX века. М., 1995.

Исходя из этого, Фурсов полагает, что способов производства (то есть моделей организации производства) теоретически может быть только три: 1) *рабовладение* – когда объединенные в коллектив (полис) граждане каждый индивидуально отчуждают труд рабов, которые не имеют собственности ($K > И$); 2) *феодализм* – когда сеньор индивидуально отчуждает труд крестьянина, владеющего средствами производства ($И > И$); 3) *азиатский способ производства* – где деспот и государство отчуждают труд масс людей ($И > К$)¹⁵.

В данной классификации не хватает только одного звена: $K > K$, когда одна группа эксплуатируется другой. В таком виде схема получается логически завершенной. Индивидуализированные доиндустриальные способы производства Фурсова могут соответствовать многополярным мир-системам, тогда как азиатский способ производства полностью вписывается в логику мир-империй. Место последнего элемента в таблице А. И. Фурсова принадлежит кочевым империям, то есть той форме, которую я предлагал именовать **экзополитарным** или **ксенократическим** способом производства¹⁶. Более того, «коллективистская» ($K > K$) специфика данной модели предполагает ее обязательную связь в виде своеобразного «спутника» с другими способами производства (мир-империями и пр.), иными словами, полупериферийный характер.

Понятие полупериферии в мир-системной теории было разработано, главным образом, для описания процессов в современной капиталистической мир-системе. Полупериферия эксплуатируется ядром, но и сама эксплуатирует периферию, а также является важным стабилизирующим элементом в мировом разделении труда. Однако Валлерстайн утверждает, что трехзвенная структура свойственна любой организации, между полярными элементами всегда суще-

¹⁵ Фурсов А. И. Революция как имманентная форма развития европейского исторического субъекта. С. 298-317.

¹⁶ Крадин Н. Н. Кочевые общества; Он же. Проблемы формационной характеристики кочевых суспільств//Археологія. 1992. №2; Он же. Кочевые общества в контексте стадияльной эволюции. Этнографическое обозрение. 1994. № 1; Он же. Кочевничество в цивилизационном и формационном развитии.

ствует промежуточное звено, которое обеспечивает гибкость и эластичность всей системе (центристские партии, «средний класс» и т. д.). В доиндустриальный период некоторые функции полупериферии могли выполнять торговые города-государства древности и средних веков (Финикия, Карфаген, Венеция, и др.), милитаристические государства-спутники, возникавшие рядом с высокоразвитым центром региона (Аккад и Шумер в Месопотамии, Спарта, Македония и Афины, Австразия и Нейстрия у франков), а также кочевые империи и квазиимперские политии номадов Евразийских степей.

Империи номадов также являлись милитаристическими «двойниками» аграрных цивилизаций, так как зависели от поступающей оттуда продукции. Однако номады выполняли важные посреднические функции между региональными мир-империями. Подобно мореплавателям, они обеспечивали связь потоков товаров, финансов, технологической и культурной информации между островами оседлой экономики и урбанистической цивилизации.

Можно проследить устойчивую корреляцию между расцветом аграрной мир-империи (а также мир-экономики), а также силой кочевых империй, которые существовали за счет выкачивания части ресурсов из оседлых городских государств. Во Внутренней Азии эта корреляция видна особенно четко. Империя Хань и держава Хунну появились в течение одного десятилетия. Тюркский каганат возник как раз в то время, когда Китай был объединен под властью династий Суй, а затем Тан. Аналогичным образом Степь и Китай вступали в периоды анархии в пределах небольшого промежутка времени один за другим. И наоборот, когда в Китае начинались смуты или экономические кризисы, система дистанционной эксплуатации кочевников переставала работать, степные империи разваливались на отдельные сегменты до тех пор, пока на юге не восстанавливались мир и порядок.

Цикличность процессов, происходивших в монгольских степях, привела японского историка Тамуру Дзицудзо к концепции двух циклов в истории Северной Евразии:

1) цикл древних империй кочевников засушливой зоны Внутренней Азии (II в. до н.э. – IX в. н.э.): хунну, сяньби, жужани, тюрки, уйгуры; 2) цикл средневековых завоевательных династий, происходивших из таежной (чжурчжэни, маньчжуры) или степной (кидани, монголы) зон (X – начало XX в.): Ляо, Цзинь, Юань, Цин. Общества первого цикла взаимодействовали с Китаем на расстоянии, государства второго – завоевывали земледельческий Юг и создавали симбиотические государственные структуры с дуальной системой управления, оригинальными формами культуры и идеологии¹⁷.

Концепция Т. Барфилда¹⁸ более сложна. Он не только констатировал синхронность процессов роста и упадка кочевых империй и аналогичных процессов в Китае, но и заметил, что завоевание Китая было делом, как правило, «маньчжурских народов». Развал централизованной власти и в Китае, и в Степи освобождал последних от давления как со стороны кочевников, так и со стороны китайцев. Освобожденные от внешнего прессинга, народы Маньчжурии создавали свои государственные образования и захватывали земледельческие области на юге. Особенно преуспели в завоеваниях кидани, чжурчжэни и маньчжуры. Такая циклическая структура политических связей между народами Китая, Центральной Азии и Дальнего Востока, по мнению Т. Барфилда, повторялась трижды в течение двух тысяч лет (см. табл.).

Обе эти теории дополняют друг друга. Связь между взлетами-кризисами аграрных мир-империй и активностью номадов действительно очевидна. Не повторяя уже отмеченные совпадения, необходимо зафиксировать еще ряд важных корреляций. В период III-V веков наблюдается первый глобальный демографический кризис, почти одновременно наблюдавшийся в различных частях Старого

¹⁷ Тамура Дз. Тюгоку сэйфуку отё-но кэнкю [Исследование завоевательных династий в Китае]. Т. 1-3. Киото, 1974 (на яп. яз.).

¹⁸ Barfield T. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757*. Cambridge, 1992.

Света¹⁹. Думается, он совсем не случайно совпал с эпохой «великого переселения народов». Вопреки обыденному мнению, номады вовсе не стремились к непосредственному завоеванию земледельческих территорий. Для этого им бы пришлось «слезть с коней» – поменять привычный вольный степной образ жизни. Номады обычно довольствовались доходами от внешнеэксплуататорской деятельности. Только в периоды кризисов и распада оседлых обществ (а демографический кризис как раз об этом свидетельствует) номады были вынуждены вступать в более тесные связи с земледельцами и горожанами. По образному выражению Р. Груссе, «вакуум засасывал их внутрь аграрного общества».

Образование империи Чингисхана и монгольские завоевания совпали с периодом максимального увлажнения в Монголии и степях Восточной Европы, а также с демографическим и экономическим подъемом во всех частях Старого Света. Монголы замкнули цепь международной торговли в единый комплекс сухопутных и морских путей. Впервые все крупные региональные экономические «ядра» (Европа, Ислам, Индия, Китай, Золотая Орда) оказались объединенными в первую по-настоящему мир-систему²⁰. В степи, подобно фантастическим миражам, возникли гигантские города – центры политической власти, транзитной торговли, многонациональной культуры и идеологии (Каракорум, Сарай-Бату, Сарай-Берке). С этого времени политические и экономические изменения в одних частях Мира стали играть гораздо большую роль в истории других частей света.

Первая мир-система оказалась недолговечной. На рубеже XIV-XV веков она распалась. Но из ее обломков выросла капиталистическая мир-система. Однако в этой новой системе кочевникам уже не нашлось места. В период первоначального накопления натуральная система производи-

¹⁹ Biraben J.-N. Essai sur l'évolution du nombre des hommes // Population. 1979. Vol.34, No1. 13-24.

²⁰ Abu-Lughod J. Before European hegemony: The World-System A.D. 1250-1350. N.Y., 1989.

тельных сил кочевников оказалась неспособной составить конкуренцию новым формам интеграции труда в рамках мануфактуры и фабрики. Появление многозарядного огнестрельного оружия и артиллерии постепенно положило конец военному преобладанию кочевников над земледельцами. Изменился политический статус степных обществ. В качестве «периферии» номады стали активно вовлекаться в орбиту интересов различных субцентров капиталистической мир-системы, а также в сферу влияния наиболее крупных модернизирующихся мир-империй. В результате изменилась хозяйственная система скотоводства; приспособляясь к новым экономическим реалиям и частично ориентируясь на внешний рынок, значительно деформировалась общественная организация, начались болезненные аккультурационные процессы, сопровождающиеся ростом внутриэтнического самосознания номадов и активизацией антигосударственных и антиколониальных движений. С этого времени номады – некогда «бикфордов шнур» истории цивилизаций (по образному замечанию Ф. Броделя) – оказались вытесненными с авансцены мировой истории.

		Китайские династии		Степные империи
		местные	иностраннные	
ЦИКЛ 1	(1)	Цинь и Хань (221 до н.э. - 220 н.э.)		ХУННУ (209 до н.э. – 155 н.э.)
	(2)	Китайские династии в период распада (220–581)		Сяньби (130–180)
			(3) Тоба Вэй (386–556) и другие династии	Жужани
	(4)	Суй и Тан (581–907)		ПЕРВЫЙ ТЮРКСКИЙ (552-630) ВТОРОЙ ТЮРКСКИЙ (683-734) УЙГУРСКИЙ (745-840) каганаты
ЦИКЛ 2	(5)	Сун (960–1279)	(6) Ляо (кидани) (907-1125)	
			(7) Цзинь (чжурчжэни) (1115-1234)	
			(8) Юань ----- (монголы) (1206-1368)	МОНГОЛЫ
ЦИКЛ 3	(9)	Мин (1368–1644)		Ойраты Восточные монголы Джунгары
			(10) Цинь (маньчжуры) (1616-1912)	

Примечание. Заглавным выделены крупные кочевые империи.

Источник: Barfield. 1992. P. 13.